

СИЭН МУНДУ

**ПОЛКОРОБКА СПИЧЕК
И ВСЯ ЖИЗНЬ**

Сиэн Мунду

**Полкоробка спичек и
вся жизнь (сборник)**

«Бичик»

2011

Мунду С.

Полкоробка спичек и вся жизнь (сборник) / С. Мунду —
«Бичик», 2011

ISBN 978-5-7696-3612-7

Перед вами – очень пронзительные лирические рассказы известного журналиста Алексея Амбросьева-Сиэн Мунду. Порой читателю покажется, что перед ним – личный дневник автора, но он, предаваясь, казалось бы, собственным воспоминаниям, пишет о нас всех... Размышляет о прошлом, заставляя задуматься о будущем. В чем он – смысл бытия?..

ISBN 978-5-7696-3612-7

© Мунду С., 2011

© Бичик, 2011

Содержание

Звезда (Сказка, рассказанная сыну)	5
Мой первый костюм	7
Полкоробка спичек и вся жизнь	9
Операция «Контактные линзы»	11
Суосалджыйа Толбонноох	16
Тайна двух имен	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сиэн Мунду

Полкоробка спичек и вся жизнь

Звезда (Сказка, рассказанная сыну)

Давным-давно это было. В одной стране жили веселые и дружные люди. Они были очень трудолюбивыми, и если у кого-то возникали трудности, то всем миром помогали этому человеку. Они никогда и ни с кем не воевали. Воинственные соседи, видя, как они дружно живут, боялись на них нападать.

Когда наступала ночь, то на небе этой страны загоралась всего одна звезда. Но зато она была неопишущей красоты. И все люди этой страны боготворили свою

Звезду. Поэты воспевали ее, художники состязались в умении ее изобразить, влюбленные сравнивали своих прекрасных дам с этой прекрасной Звездой, и это было высшей похвалой. И неудивительно, что высшая награда этой страны была в виде этой Звезды.

И вот однажды, в один из обычных вечеров, когда солнце уже село, на черном бархатном небе вместо их прекрасной Звезды высыпало великое множество маленьких звездочек. Все были поражены, удивлены и испуганы. Так прошла ночь, в которую никто не сомкнул глаз. Весь последующий день люди ничем не могли заниматься – они обсуждали происшедшее и с нетерпением и страхом ожидали наступления следующей ночи.

И вот наступила ночь. И снова, как вчера, на небе загорелось множество маленьких звезд. И люди разбегались по домам еще более удрученные, чем вчера.

Так прошло несколько дней. И однажды, когда по привычке люди этой страны высыпали на главную площадь в ожидании темноты, к ним подошел Некто. Но они сначала не обратили на него никакого внимания.

А между тем на черном небе опять появилось бесчисленное количество маленьких звездочек. Люди в подавленном состоянии опять начали было расходиться по домам, но тут Некто взобрался на возвышенность и сказал:

– Люди! Я знаю, где наша Звезда!

Все остановились и устремили на него взоры, исполненные надежд. А тем временем таинственный Некто продолжал:

– Вот видите, – и Некто ткнул пальцем в небо над своей головой. – Вот она, наша Звезда!

Все заволновались, начали глядеть в небо и спрашивать друг у друга: «Где она? Где она?» Все молчали, но тут из массы людей послышался голос другого человека, что он тоже видит Звезду. Ему, видимо, не понравилось, что не он первый сказал о том, где находится их прекрасная Звезда.

– Он лжет! Не верьте ему! Наша Звезда не может быть такой маленькой и некрасивой! – говорил он и показывал на другую звезду, хотя она была такой же маленькой, как и все остальные звезды на небе.

Затем объявился и третий, говоривший, что только он один знает, где находится их Звезда.

Вскоре кто-то затеял драку, отстаивая свою правоту, и с тех пор вся страна разделилась на множество мелких групп и партий, каждая из которых доказывала свою правоту. Скоро дело дошло до междоусобной войны.

Соседи узнали о том, что они начали драться между собой, и пошли на них войной и без труда завоевали некогда цветущую страну, а всех ее жителей превратили в своих рабов.

Теперь никто и не помнит, где находилась эта некогда процветающая страна, на небе которой сияла одна великолепная Звезда.

Якутск, 1989 г.

Мой первый костюм

Мне с костюмами всегда не везло. Это однозначно. А все началось с самого первого самостоятельно купленного мною костюма.

На первом курсе нам выдали стипендию за несколько месяцев. Я тогда был молодой, неженатый, мама была далеко, и посоветоваться было не с кем. Впрочем, как и большинство молодых людей, которые только-только вышли из-под родительской опеки, считал себя вполне самостоятельным человеком. К моменту получения денег я уже твердо знал, что мне в первую очередь надо обязательно купить костюм. И притом не какой-нибудь, а именно костюм-тройку. По тогдашней моде, вернее, по моему представлению о ней.

Как я уже сказал, мне не с кем было посоветоваться. И хотя у меня уже была девушка, с которой дружил, я тогда считал неудобным советоваться с ней по таким вопросам. Это сейчас я себе даже нижнее белье не покупаю, не говоря уже о носовых платках и носках. Опыт говорит, что эти вопросы надо полностью доверить женщине, так удобнее, а если у нее со вкусом все в порядке, то считайте, что вам и вовсе повезло.

Но я отвлекся. Короче, получив стипендию, я первым делом отправился в магазин «Манчаары». Почему именно туда? Да просто он находился рядом с домом моих родственников, где я тогда жил. О том, что покупка костюма дело серьезное и не терпит дилетантства и суеты, я тогда еще не знал. Это только теперь я готов ради стоящей покупки объездить полгорода или вовсе отложить оное до лучших времен. А тогда все было не так. Было такое ощущение, что сейчас или никогда.

Сойдя с «восьмерки», я уверенным шагом направился в сторону магазина. До сих пор не знаю, какими критериями руководствовался, самостоятельно выбирая свой первый костюм. Видимо, только тем, что это должна быть именно тройка. По крайней мере, других мотивов не помню. О том, что при покупке надо обязательно примерять не только пиджак, но и брюки, я, честно говоря, как-то не подумал. Мне тогда самым главным казался пиджак. И, конечно, можете себе представить конечный результат. Я только дома обнаружил, что брюки кое-как сходятся на поясе. Это в мои планы никак не входило, ведь я собирался носить костюм и зимой. С теплыми штанами. Но, как говорится, было уже поздно. И опять же о том, что можно пойти обратно в магазин и вернуть или обменять покупку, я не догадывался.

Сейчас, анализируя тогдашние свои поступки, я удивляюсь тому, с какой беспечностью относился ко всему тому, что должно было определить в дальнейшем мою жизнь. Разумеется, это касается не только покупки костюма. Я таким же образом женился в первый раз.

...Она была подругой моей девушки, мы все вместе учились. Дело молодое, и мы с Наташей частенько ссорились по всяким пустякам. В такие моменты она переставала со мной разговаривать, и это было, как я теперь понимаю, самое страшное и действенное наказание. Даже тогда, когда ты приходишь домой на бровях, и жена тебя лупит почему зря, это не так страшно, как полное игнорирование и отказ с тобой разговаривать. И в такие моменты нашей с Наташей ссоры с нами рядом всегда была Лида. Я ей жаловался, что она, то есть Наташа, не хочет меня понимать, что обижается по пустякам. Это сейчас я понимаю, что нельзя было так делать, но тогда я просто об этом не задумывался. Не знаю, что там Лида говорила Наташе, но действительно через некоторое время мы с ней мирились. В такие моменты я был просто счастлив и не знал, как благодарить Лиду за ее миротворческую миссию. Хотя, как я понял позже, мы с Наташей помирились бы и без Лидино посредничества.

Лида была на год старше меня и после школы, до поступления в университет, успела поработать в одном учреждении секретаршей. Что и говорить, она была гораздо опытней меня в простых житейских ситуациях. Ее глаза смеялись, когда она в очередной раз нас примиряла, ее глаза смеялись, когда она говорила мне: «Дурачок!» Я не обижался, мне нравилось то, как

она заботится и буквально как мама нянчится со мной. Видимо, это «как ма-ма» и сыграло позже решающую роль.

Так долго продолжаться не могло, и перед Новым годом наступили дни, когда они обе приходили ко мне и сидели в разных комнатах. Но это были уже не подруги. Я бегал от Наташи к Лиде, от Лиды к Наташе и что-то говорил. Все это кончилось тем, что Лида пересидела Наташу. Наташа просто не явилась в очередной раз ко мне, а Лида пришла и осталась со мной на целых семь лет...

...Тот мой первый костюм был какого-то ужасного песочного цвета. Что касается брюк, то выход нашелся довольно-таки простой – двоюродная сестра сделала сзади брюк незаметную клиновидную вставку. Это было просто и хорошо, за исключением того, что в гостях я пиджак снять уже не мог. Были потом в моей жизни разные костюмы – хорошие и не очень, но тот, самый первый, запомнился навсегда. Иногда мне даже кажется, что вся моя жизнь идет под знаком того костюма, и теперь и судьба у меня с разными нелепыми клиновидными вставками...

Якутск, 1991 г.

Полкоробка спичек и вся жизнь

...Уже десять минут четвертого, но Петьку с женой еще не вызывали. В коридоре городского суда немногочисленно и тихо. Время от времени открывается одна из бесчисленных дверей, и мимо с деловым видом проходит какая-нибудь сотрудница. Иногда из-за некоторых дверей явственно слышны веселые голоса и женский смех.

Петьке захотелось покурить, но не оказалось спичек, и он опять принялся изучать скучный плакатик, висящий на такой же скучной стене. Его жена сидела рядом и безучастно смотрела перед собой. Чуть поодаль разместились пожилая пара. То, что они именно муж и жена, чувствовалось сразу – время наложило отпечаток одинаковости на их лица. Кажется, ничто так не роднит людей, как перенесенные вместе горести. Мужчина беспрестанно теребил шляпу, а жена часто-часто подносила платок к покрасневшим заплаканным глазам. «Интересно, а что у них? – подумал Петька. – Наверное, с сыном что-то...» Он почему-то уверен, что у них именно с сыном что-то случилось.

– Федоровы! – Дверь напротив отворилась, и выглянула женщина. Судя по возрасту, это и есть та самая судья, которая и определит дальнейшую их с женой жизнь.

– Мы здесь, – сказала жена.

Женщина поверх очков глянула на них:

– Подождите еще! Помощница освободится, тогда и разберемся с вами.

Петька с женой одновременно сели. Он старался не глядеть на нее. Вспомнил о том, что семь лет назад он точно так же сидел в этом невеселом коридоре и тоже ждал, когда вызовут.

...Тогда была весна. Яркое солнце освещало через грязные стекла коридор. За окном вовсю капало с крыш. Лида, первая жена Петьки, сидела и крепилась изо всех сил, чтобы не расплакаться. Она не хотела разводиться и с ужасом думала о том, как останется одна с двумя детьми. Вспомнила слова матери: «Ничего, дочка, успокойся... Раз он решился, все равно не удержишь...» Так-то оно так, но Лиде от этого легче не становилось. А Петька в состоянии жены особенно не вдавался, он был невнимателен и рассеян. Это была рассеянность влюбленного человека...

Влюбился тогда Петька в Веру, свою будущую вторую жену, как мальчишка, позабыл обо всем на свете. Развелся и переехал к ней жить. Потом у них родились погодки – два славных мальчугана. Вера до него уже была замужем, но дети и в том браке у нее не появились, хотя прожила с первым мужем пять лет. И как водится, народ в деревне, откуда была родом она, во всем обвинял ее – мол, пустая баба, ребенка понести не может. Но Вера сразу забеременела, как только стала жить с Петькой. И сразу все досужие разговоры прекратились. Успокоилась и молодая мама, и ее родители.

И когда Петька приезжал в деревню к Вериним старикам, то они, которые раньше бросали на него косые взгляды, всячески улаживали дорогого зятя. И, выпив с мужиками, Петька частенько, словно бы невзначай, рассказывал собеседникам эту историю. Слушатели согласно кивали головами, и это поднимало Петьку в его собственных глазах. В такие моменты он чувствовал себя большим, сильным и добрым... А сейчас он сидит и старается не глядеть на Веру. «Да нет, не разведут», – подумал Петька, а в памяти всплыл крик его сына от первой жены: «Папка! Папка! Поехали с нами! Папка! Поехали!...»

...Это было сразу после похорон мамы. Мелко накрапывал дождик, в автобусе запотели стекла. Петька сидел впереди с Верой, а Лида – в конце салона с сыном на руках. Автобус тронулся и поехал, петляя по узкой кладбищенской дороге. Люди вполголоса переговаривались о вещах, не имеющих никакого отношения к только что состоявшимся похоронам. Петька чувствовал себя не-уютно. И не оттого, что похоронил мать, а оттого, что в автобусе находились две его жены. Он обернулся и словно наткнулся на глаза младшего сына, который все это

время, не отрываясь, смотрел на него. Ему было всего четыре годика, и он не понимал всего того, что происходит. Единственное, что он четко знал – это то, что папка опять уедет куда-то с другой женщиной, и он опять долго-долго не увидит его. И вот тогда-то он и закричал:

– Папка! Папка! Поехали с нами! Папка! Поехали!..

Петька отвернулся. Уставился глазами куда-то под ноги и так и просидел до самого дома, вечером он напился, плакал пьяными слезами, ругался и матерился на Веру. Наутро они с женой сделали вид, будто ничего и не произошло, но у Петьки в душе навсегда осталось то противное чувство, которое он испытал, когда услышал крик своего сына в автобусе. В автобусе, едущем с похорон...

Дверь напротив отворилась, и выглянула девушка: «Федоровы, проходите!»

– Рассматривается дело по заявлению гражданки Федоровой Веры Николаевны о расторжении брака с гражданином Федоровым Петром Викторовичем.

Дальнейшее произошло совсем не так, как представлял себе Петька. Судья попросила Веру выступить по сути заявления. Вера встала, посмотрела на него, потом на судью и начала говорить. Вначале медленно, а потом все быстрее и увереннее. Она сказала, что супруг измучил ее своими постоянными пьянками, изменами. Особо налегала на то, что в последние полгода он не приносил домой зарплату, а сейчас вообще нигде не работает.

Петька как уставился на Веру, так и не сводил с нее удивленных глаз до конца ее обличительного монолога.

– У вас все? – спросила судья.

– Да, – сказала Вера.

– Ответчик, прошу встать. Что вы можете сказать по сути изложенного?

У Петьки заранее заготовленные фразы напрочь вылетели из головы. «Да, конечно, иногда выпивал, не без этого, но не пьяница же... Ну, было пару раз по дурости с женщинами, а кто сейчас без греха?.. Ну, денег нет, так ведь Вера прекрасно знает, что на их предприятии полгода зарплату не выдавали. А сейчас без работы, потому что с одной ушел, а на новую еще не успел устроиться...» – все эти мысли роем пронесли в его голове.

– Вы согласны с тем, что сказала истица?

Петька в ответ промычал что-то невразумительное.

– Суд удаляется на совещание. Попрошу вас выйти.

Не успели Петька с женой выйти в коридор и сесть на уже надоевшую скамейку, как их попросили обратно. И опять все дальнейшее произошло совсем не так, как он предполагал. Вера отказалась от алиментов, а он – от имущественных, как выразилась судья, притязаний.

– Прошу встать. Суд вынес постановление, и ваш брак считается расторгнутым. Распишитесь здесь. Судебные издержки кто будет оплачивать?

– Сколько? – быстро спросила бывшая уже жена.

– Двести.

– Двести тысяч? – уже медленнее переспросила Вера.

– Нет, всего лишь двести рублей – у нас расценки пока старые остались. Вам повезло, – с улыбкой ответила судья.

– Двести-то я заплачу, чего уж там, – облегченно проговорила Вера.

Петька все еще словно в оцепенении вышел из здания суда, пошел было за Верой, а затем остановился. На него навалилось огромное одиночество, которое ему еще предстояло осознать до конца. Ему было некуда идти, и как он будет жить дальше, он не знал. Петька подошел к киоску и купил спички. Они стоили ровно четыреста рублей...

Якутск, 1997 г.

Операция «Контактные линзы»

...После развода со своей второй женой Сашка почти год скитался по разным друзьям-подругам. Его бывшие жены эти дома иначе, как бичарнями, не называли. Действительно, жилища одиноких и пьющих людей, где стены навечно пропитались запахами дешевых сигарет и алкоголя, собак и кошек, порой неряшливых, как и сами хозяева, благоприятного впечатления произвести ну никак не могли. Но Сашке брезговать и выбирать не приходилось – ему где-то надо было жить, идти было некуда. Он старательно избегал родственников и своих старых знакомых – стыдился. Позже удивлялся, как ему в тот год удалось вообще выжить, не замерзнуть пьяному на улице, не попасть в пьяной драке под чей-то шальной нож.

Последние четыре месяца он жил у своего друга, с которым вместе учились в университете: Сашка – на филологическом, а Афанасий, так звали его друга, на историческом. В свое время Афанасий подавал очень большие надежды, даже защитил кандидатскую и ездил учиться в аспирантуре Московского гос-университета. Но потом слишком часто, как признавался сам Афоня, стал искать научную истину на дне бутылки. И покатилось...

Четыре года назад Афанасий стал инвалидом. Тогда его в очередной раз уволили из института, и он устроился работать в городскую пожарную охрану, где всегда были нужны здоровые, не судимые и отслужившие в армии люди – там платили мало, и потому желающих стать доблестными было немного. Однажды после смены Афанасий, как водится, крепко выпил с коллегами, такими же бойцами пожарного отряда, как и он сам, и пьяный возвращался домой. В автобусе уснул и проснулся только на конечной остановке, где его и разбудил водитель. Кое-как сообразив, где находится, Афанасий пошел домой пешком и был сильно избит на улице подростками, которые сняли с него шапку, всю верхнюю одежду и новенькие унты. Дело было зимой, и он, пролежав на снегу какое-то время, отморозил пальцы рук, которые у него позже ампутировали. Мог вовсе замерзнуть и умереть, но его спас случайный водитель такси, искавший в этом районе частный дом, куда его вызвали на заказ...

Дом Афанасия находился на окраине города, куда не всякий сунется даже в светлое время суток. Этот околоток, сплошь застроенный унылыми одноэтажными четырехквартирными деревянными домами и частными покосившимися домами еще в 50-х годах двадцатого века, был в основном заселен городской беднотой: людьми без постоянного места жительства и работы, алкоголиками и уголовниками, освободившимися с мест не столь отдаленных, обступивших Якутск со всех сторон.

Здесь жила особая каста людей, которые не различали друг друга по национальности, не спрашивали, откуда человек родом и чем он занимается. Здесь более важным считалось умение разделить вместе горести и радости, возможность занять по-соседски денег на бутылку или налить сто грамм беленького, как ласково называли местные бабушки водку, когда останавливается сердце после вчерашней гулянки. А такое в этом околотке было каждый день: если не в одном доме, то в соседнем, если не у бичеватого вида мужика, то у пацанки или миловидной девушки обязательно.

Здесь часто поселялись семьи, которые переезжали в Якутск с разных улусов республики – в этом околотке было дешевое, по сравнению с другими районами города, жилье. Вчерашние деревенские жители, как только становились на ноги, быстренько продавали свой дом и переезжали в более благополучные микрорайоны. Их дома занимали новые выходцы с улусов. «Кругооборот людей в природе!» – смеялся по этому поводу Афанасий, у которого за три года поменялось несколько соседей. Но так было не со всеми. Некоторые без твердой жилки сельчане втягивались в бездумную жизнь городского околотка, где, казалось, воцарилось безвременье. Здесь по вечерам на столбах фонари горели через раз или вовсе не горели на протяжении всей улицы, не говоря уже о многочисленных переулках. Здесь бродили стаи злых

диких собак, открыто нападавших на припозднившихся прохожих, здесь годами не проводились ремонтные работы, а мусорные горы, достигавшие за зиму размеров Эвереста, убирались только весной. Дороги были в неискоренимых ухабах, на компенсаторах теплотрасс до сих пор висели плакаты советских времен, призывающие выполнить решения очередного партсъезда...

Афанасий был холост, от природы наделен спокойным нравом, и Сашке с ним было легко и просто. В доме друга не было надоевших ему сцен ревности, семейных скандалов по поводу выпитого и отсутствия работы и денег. Не было телевизора, что, впрочем, компенсировалось большим количеством книг и журналов, сохранившихся еще с тех времен, когда Афанасий серьезно занимался наукой.

Афанасий раз в месяц получал небольшую пенсию по инвалидности, Сашка нигде не работал, но они пили практически каждый день. К хозяину дома постоянно приходили его многочисленные друзья то по университету, то бывшие коллеги по пожарке или просто пьянчуги с околотка, и почти каждый обязательно приносил выпить. Частенько приезжали родственники Афанасия из деревни – эти подбрасывали еды и немного денег.

Обычный день в этом доме, как в известной комедии «День сурка», проходил по одному и тому же сценарию.

С утра, как водится, у них болела голова, они с трудом вставали и пили невероятное количество холодной воды. Затем включали невесть каким чудом сохранившееся проводное радио – чтобы по привычке услышать прогноз погоды, закуривали, а потом Сашка начинал прибираться в доме. Подметал пол, выносил в сарай пустые бутылки, которые потом они сдавали в пункты приема стеклотары, и ходил в колонку за водой. В это время Афанасий, ловко орудуя своими культяпками, вытирал стол и ставил чайник. Затем они усаживались за стол, пили спитой чай, курили и за дежурным, ни к чему не обязывающим разговором, в котором они с одной темы перескакивали на другую, начинали ждать. Ждали, когда кто-нибудь придет и принесет выпить. Когда долго никто не шел, они, лежа в разных комнатах, читали книги или журналы. В доме стояла тишина, вполголоса бормотало радио, изредка слышался шум проезжающей машины, и снова устанавливалась тишина. Но эта была не напряженная, а спокойная тишина.

Что интересно, практически не было дня, чтобы никто к ним не пришел. Но все же иногда такие печальные для друзей дни наступали, и тогда они, как говорили сами, начинали соображать.

Впрочем, эти «соображения» особой оригинальностью не отличались – Афанасий одевался и шел занимать деньги у соседей. Его здесь шутя называли «наш профессор» и деньги, если они у них были, в долг давали – Афанасий всегда возвращал. Он, как и большинство опустившихся людей, отличался щепетильной честностью.

Но иногда Афанасию, когда и гостей не было, и у соседей деньги отсутствовали, приходилось выдумывать что-нибудь особенное. Например, однажды, когда пошел уже девятый час и стало ясно, что они вряд ли дождутся сегодня кого-нибудь, он предложил сходить к бывшей жене Сашки и взять на выпивку денег у нее.

– Так тебе Вера и дала. Догнала и еще раз дала, – усмехнулся Сашка, но, тем не менее, спросил: – И как ты это себе представляешь?

– Очень просто, – уверенно ответил ему Афанасий и хитро посмотрел на своего друга. – Послушай, какую я придумал бадягу...

– ...Главное, чтобы она открыла мне двери, – закончил он излагать свой план.

План, придуманный Афанасием, был прост, как три копейки, но они – утопающий хватается и за соломинку! – надеялись, что он сработает. Они поехали к Вере. Сашка, зайдя в подъезд, еще раз напомнил Афанасию номер квартиры и остался ждать его внизу. Тот поднялся на второй этаж и на вопрос: «Кто там?», сказал Вере через дверь, что пришел к ней с очень

важным сообщением от ее бывшего мужа Александра. «Что за сообщение?» – допытывалась она, не открывая дверей и пытаясь разглядеть незваного гостя через глазок.

– С ним случилась неприятность, – брякнул Афанасий первое, что пришло ему в голову.

– Что с ним случилось? – Вера тотчас открыла дверь.

Афанасий сделал чрезвычайно грустное лицо и с безучастным видом поведал Вере, что он только что вышел из мед-вытрезвителя, где якобы и познакомился сегодня с Александром.

– Он до сих пор там, – сказал Афанасий, – меня отпустили, поскольку я инвалид. Он попросил меня, чтобы я съездил к вам. Александр просит передать ему через меня его старые очки, которые здесь оставил. Говорит, что они находятся в каком-то черном футляре, сказал, что вы сами знаете где...

– С ним все в порядке? – перебила его Вера, все-таки Сашку она когда-то любила, и он был отцом ее детей.

– Да говорит, что он уснул в линзах – пьяный был, и теперь его глаза воспалились, нужны очки...

План Афанасия именно вокруг этих контактных линз и строился, поскольку не многие знали о том, что Сашка их носит. Тогда они в Якутске были еще в диковинку. Услышав это, Вера поверила, что этот человек именно от ее бывшего мужа. По крайней мере, случайный человек таких подробностей знать не мог. Когда Вера передала Афанасию футляр с очками, он попрощался, но в дверях немножко замешкался и изобразил смущение:

– Спасибо, Вера, – произнес он таким печальным тоном, на какую только был способен. Наступил решающий момент, ради которого все это и затевалось. – Вы не могли бы...

– Что?

– ...одолжить денег на такси, а то мне сейчас надо в мед-вытрезвитель съездить, очки Александру отвезти, а потом домой. Сейчас поздно, боюсь, что автобусы уже не ходят, а мне далековато ехать... Сашка, то есть Александр, сказал, что потом вернет вам эти деньги...

Вид грустного инвалида, да к тому же вызвавшегося помочь её мужу, пусть и бывшему, внушал доверие. Все было сыграно Афанасием настолько убедительно и правдоподобно, что тогда ей и в голову не могло прийти, что ее дурят самым натуральным образом.

– Вот вам на такси, – Вера протянула Афанасию деньги, – а это от меня за ваше беспокойство. Не многие нынче помогают постороннему человеку. Спасибо вам...

– Это вам спасибо! Спасибо! – вдруг излишне горячо для стороннего человека произнес Афанасий и быстро вышел из квартиры.

Позже Сашка не утерпел и рассказал Вере, как они ее разыграли, на что она, к тому времени уже успокоившаяся, сказала, что почувствовала подвох лишь тогда, когда Афанасий слишком горячо начал ее благодарить: «Ушел бы молча, я бы вообще ничего не подумала», – посмеялась она.

...Денег, выданных Верой Афанасию якобы на такси, и «премиальных» за его заботу о «постороннем человеке», хватило на три бутылки водки, нормальные сигареты и закуску. Вечер обещал быть славным...

– Все. Сегодня больше никого не пускаем, – Афанасий закрыл двери на крючок.

– Как бы не так, – отозвался Сашка, выкладывая бутылки и рыбные консервы из пакета. – Сам же знаешь, как только мы сядем и откроем бутылку, припрется куча народа. И потому я предлагаю тебе две бутылки сразу спрятать.

– Это ты правильно говоришь, – произнес Афанасий свою любимую фразу, которая свидетельствовала о его чрезвычайно хорошем настроении. Такое обычно бывало перед хорошей выпивкой. – Ну, давай разливай, успокоим для начала душу и сердце. Заслужили...

После третьей рюмки, когда, по словам Афанасия, он наконец-то начал дружить со своей головой, продолжился разговор, затеянный друзьями накануне.

Неделю назад Афанасий получил пенсию по инвалидности, и друзья решили сходить на знаменитый японский фильм, про который тогда в городе все и говорили – «Легенду о Нарайяме». И уже вечером того дня у них завязался спор. Вернее, это Сашка пытался доказать другу, что у якутского народа есть сюжет покруче, чем в этом фильме. Афанасий, который, как мы уже сказали, был историком, отвечал, что такого предания у якутов вообще нет.

«Как это нет! Да какой из тебя после этого историк! Тоже мне!» – кипятился Сашка, но вспомнить, где он это читал, не мог. Он точно знал только одно – про это предание он вычитал в какой-то книге в доме Афанасия. Причем, не так давно.

Все это время он безуспешно пытался вспомнить, но все тщетно. И вдруг только сегодня, закуривая сигарету, Сашка вспомнил, где он это читал. Он зашел в комнату, нашел на полке искомую книгу, полистал ее и вынес оттуда одно из изданий известного семитомника якутского классика Платона Ойунского и гордо зачитал другу предание про добровольную смерть у древних якутов.

– Ну, что я тебе говорил! Эх, ты, горе-историк, еще спорить со мной будешь! – торжествовал Сашка.

Он захлопнул книгу, потом снова раскрыл и еще раз со вкусом зачитал понравившийся отрывок: *«Добровольно умирающим обычно давали глотать сердце скотины; в тот момент, когда сердце застревало в глотке, стариков бросали в яму и зарывали...»*

– Ну, что, Афанасий, убедился?!

– Ладно, – нехотя согласился тот. – Но тогда ты мне объясни – чем этот сюжет, как ты мне говоришь, круче японской Нарайямы?

– Да как ты не понимаешь?! – прямо-таки взорвался Сашка. – Там старики просто уходят из жизни. И все! И только вокруг этого размалевана вся красота, которой так восхищаются зрители...

– Но тебе же фильм понравился...

– Да, фильм понравился, и сейчас я этого не отрицаю. Просто мне обидно, что у нас, у якутов, есть классные материалы, сюжеты, которые я считаю круче, чем сюжет японского фильма, но мы его не можем реализовать – нет писателя или драматурга, который бы на основе этого предания сделал действительно классную вещь.

При этих словах Сашка разлил по кружкам водку и залпом выпил.

– Помнишь в фильме щемящий душу момент, когда старуха камнем старается выбить себе зубы, – продолжал он. – То есть старики, зная, что еды на всех не хватает, а они как бы лишние едоки, стараются тем самым ускорить свой уход. Они своими выбитыми зубами показывают, мол, мы до того стары, что нам даже нечем есть и нам самое место только на священной горе...

– Саш, а ты покороче можешь...

– Да ты пей и слушай... Не ради пьянки же сидим...

– Ха-ха! Так надо совмещать!

– Ладно тебе. Слушай дальше. Почему я тогда тебе сказал, что наш якутский сюжет круче...

– Почему?

– Потому что наши старики не просто уходили в мир иной, а оставляли после себя еду для своих детей и внуков...

– Это каким же образом? – Афанасий от неожиданности даже поставил кружку с водкой на стол.

– А-а! В том-то и дело! – воскликнул Сашка с нескрываемым удовольствием. – Сам знаешь, что нашим предкам ни в коем случае нельзя было забивать последнюю корову. Какой бы ни был голодный год! Поэтому и произносят, как заклинание, как молитву: «Кү³х эрэ окко

мктэммит ки'и»¹. Афанасий, ты еще раз перечитай этот отрывок и поймешь, что наши предки фактом своего добровольного ухода из жизни снимали табу на неприкосновенность единственной коровы! Старик же только сердце глотал перед смертью, а все мясо оставалось его детям и внукам! И его потомство точно доживет до зеленой травки следующего года – жизнь продолжается!

– Ну, за жизнь! – произнес Афанасий, пародируя генерала из известного фильма.

– Нет! Я предлагаю выпить за операцию «Контактные линзы», – перебил его Сашка.

– Это правильно! – тотчас согласился Афанасий, и друзья одновременно запрокинули кружки...

Якутск, 1998 г.

¹ «Лишь бы ступить на зеленую травку». (Прим. автора).

Суосалджыйа Толбонноох (Вольный перевод якутской народной легенды)

Тридцать три снега назад в срединном мире земном с восходящим солнцем, где густая трава, зеленеющая листва, цветущие поляны и густо-ветвистый лес, у племени ураанхай саха родилась Суосалджыйа Толбонноох – девочка невиданной красоты. Блестящая прекрасным лицом, проворная и ловкая, на радость людям росла она. Родители, чтобы ни пыль, ни грязь не пристали к ней, укрывали дочь в собольи меха, кутали мехами рысьими и куньими. И когда девочка подросла и превратилась в прекрасное создание, тридцать пять племен ураанхай саха приготовились снарядить своих в силу вошедших бесстрашных сыновей, чтобы идти свататься к распрекрасной девушке...

Но о блестящей прекрасным лицом Суосалджыйа Толбонноох проведали слуги главы верхних абаасы Улуу Тойона и доложили его супруге Куохтуйа Хотун. И услышав это, Куохтуйа Хотун решила во что бы то ни стало сделать Суосалджыйа Толбонноох женой своего младшего сына Суор Тойон, который к тому времени был еще холост. Что решила госпожа, то и согласился исполнить господин. И вот Улуу Тойон самолично спустился с высоких небес в срединный мир, чтобы взглянуть своими глазами на красоту Суосалджыйа Толбонноох – действительно ли дочь земная так прекрасна, что может быть достойна его любимого сына...

По пути небожитель со своими слугами остановился в одном небольшом алаасе в заброшенном етёхе – заросшем бурьяном старом покосившемся балагане, где на свою беду ночевал усталый путник – житель срединного мира.

– Осталось еще сорок верст, – говорит Улуу Тойон. – Ночуем здесь. Внесите провизию!

Слуги внесли боковины огромной жирной лошади. Затем они растормошили бедного путника, разбуженного шумом невиданных на земле гостей и пытавшегося прикинуться спящим, и заставили сесть вместе с ними за стол и разделить их трапезу. Деваться некуда – перепуганный путник присоединился к неведомым существам и стал потихоньку есть. Мясо оказалось очень вкусным. От слов, произнесенных за столом неожиданными гостями, путник вскоре догадался, что перед ним не кто иной, как сам глава верхних абаасы, покровитель шаманов, якутский громовержец Улуу Тойон со своими слугами. «Что за невидаль! Зачем он пожаловал на нашу землю? Никак, решил изничтожить род людской или мор какой гибельный на ураанхай саха напустить!» – эти и другие не менее пугающие предположения носились в голове путника, пока он сидел за столом.

Скоро небожитель и его бедовые слуги наелись, и все, кроме одного, улеглись спать. От страха бедный путник почти всю ночь не сомкнул глаз, вздремнул он лишь только под утро.

Утром Улуу Тойон сказал, обращаясь к путнику:

– Эй, человек! Ты поедешь вместе с нами!

Бедный путник решил, что настал его последний час, и, уже смирившись со своей скорой кончиной, прямо и громко – двум смертям не бывать! – спросил своего грозного собеседника:

– Куда и зачем?

– Ха-ха! Да ты не бойся нас, якут! Мы худа тебе не сделаем! Слышал про Суосалджыйа Толбонноох?

– А как же! Все тридцать пять племен ураанхай саха слышали про нее. Я как раз к ней и еду. Меня к ней отправил мой хозяин, чтобы по возвращении я живописал узорно-витиеватыми словами ее невиданную красоту – я олонхосут-сказитель.

– Ха-ха! Так нам, оказывается, по пути – и мы туда же едем. Хочу раскрасавицу Суосалджыйа Толбонноох взять в жены своему младшему сыну...

– Но она же дитя человеческое! Разве возможно такое?

– Ха-ха! Я же небожитель! Я все могу! Слушай, якут, меня! Доедем до богача и посмотрим на ее знаменитую дочь. Она, слушай внимательно, будет моей невесткой, если, во-первых, она мне понравится, а, во-вторых, если ее украшения и одеяния будут точно такими же, как и у моей дочери. Тогда она умрет в эту же ночь, и мы ее возьмем к себе...

– А если вдруг она вам не понравится? – спросил путник в тайной надежде, что девушка им не приглянется и грозный небожитель оставит в покое прекрасную Суосалджыйа Толбонноох.

– Тогда она сильно захворает и...

– И?! – воскликнул путник.

– Слушай сюда, якут! Когда она захворает, ее родители пригласят знаменитого шамана, чтобы тот устранил причину болезни. Но я помешаю этому шаману разглядеть верхний мир, откуда спустились мы, и он откажется камлать дальше. Тогда в качестве шамана выступишь ты...

– Но я же не шаман! Я всего лишь олонхосут...

– Не бойся! Ты камлай, как попало, а мы будем учить тебя, как действовать и что говорить. Тогда Суосалджыйа Толбонноох выздоровеет, и ее отец щедро вознаградит тебя.

Приехали к месту жительства богача. В юрту вошел лишь простой смертный, а небожители, невидимые и неслышные остальным ураанхай саха, остановили своих коней на холмах вокруг алааса.

Слух о красоте Суосалджыйа Толбонноох оказался не преувеличением – путник на мгновение даже лишился дара речи, увидев девушку неопишуемой красоты, которая с подругами прошла мимо него. Хозяин улыбнулся – он был знаком с реакцией большинства людей, увидевших в первый раз его красавицу дочь. По заведенному обычаю, хозяева начали расспрашивать гостя о том, кто он такой, откуда родом, куда едет и что творится в тех краях, откуда он приехал. Путник за горячим чаем и сытной едой по-дробно ответил на все вопросы. Хозяева ответами гостя и его рассказом остались довольны.

Когда все домочадцы уснули, Улуу Тойон велел своим слугам одеть девушку в ее самые нарядные одеянья и украсить самыми дорогими украшениями, что имелись в доме в ее сундуке. Ночью путник неожиданно проснулся и увидел, что посреди юрты стоит обнаженная Суосалджыйа Толбонноох, а кругом на балках сидят головы его бедовых спутников и глазеют на красоту земной девушки. Путник даже зажмурился на мгновение – не видение ли это? Но это было не видение – посреди юрты действительно стояла, склонив голову и скромно потупив взор, самая красивая из девушек, чья нога когда-нибудь ступала по зеленой траве срединного мира. Сквозь длинные шелковистые волосы, ниспадающие почти до самой земли, виднелись волнительные изгибы ее стройного, прекрасного молодого тела. Путник почувствовал, как у него гулко-гулко забилося сердце. Он забыл о времени и был готов без конца созерцать волшебную картину, невольным свидетелем которой он стал, но тут со всех сторон стали прилетать нарядные одеянья и украшения Суосалджыйа Толбонноох и одеваться на нее.

Вся одежда была из дорогих мехов, а украшения из чистого серебра – ураанхай саха ценили этот белый металл больше, чем золото. Но по якутскому поверью, во избежание сэт – возмездия за грех излишества, одежда и украшения Суосалджыйа Толбонноох имели немного фальсификации: к серебряным украшениям примешано немного меди или олова, к богатой пушнине были вкраплены лоскутки заячьей шкуры. Это не ускользнуло от внимательного взгляда Улуу Тойона – это не соответствовало его второму условию – и он хлестнул по воздуху в сторону красавицы огненно-красным бичом.

Тут же Суосалджыйа Толбонноох занемогла, и слуги Улуу Тойона отнесли ее на нары. Утром проснулись родители девушки и остальные домочадцы и увидели, что на их всеобщей любимице буквально нет лица, и она мечется в сильнейшем жару...

Отец девушки тут же отправил своего слугу к знамени-тому шаману Ытык Нёрюйдяну – чтобы тот приехал, осмотрел больную и выгнал вселившуюся в нее хворь. Шаман тотчас приехал и начал приготовление к камланию.

«Дoom-эрэ-доом!» – шаманское действо началось. От сполохов огня в камельке на стены юрты падала огромная тень шамана – она зловеще металась от стены к стене, и люди, заполнившие юрту в надежде увидеть чудесное исцеление девушки, испуганно жались друг к другу.

Ытык Нёрюйдян оглядел сначала весь нижний мир – не оттуда ли наслана болезнь девушке. Не нашел там ничего подозрительного и устремил свой духовный взор на срединный мир, но и тут ничего не заметил. Наконец, поднял шаман свой взор к верхнему миру, но именно в этот момент Улуу Тойон, который все это время наблюдал за действием, харкнул ему прямо в глаза...

И Ытык Нёрюйдян духовно ослеп, и его взгляд не мог более проникнуть в небеса. Шаман сделал еще несколько попыток оглядеть верхний мир, но ему всякий раз мешал Улуу Тойон. Пришлось ему признаться, что не может дальше камлать, так как ему мешают небожители, а против их силы он не может ничего противопоставить.

Тогда грозный небожитель сказал путнику: «Пора!» Путник вышел на середину юрты и предложил гостеприимным хозяевам свои услуги в качестве шамана. Как хватается утопающий за соломинку, так и ухватился богач за путника. Тот облачился в шаманский костюм Ытык Нёрюйдяна, вооружился его бубном, взял его былаах – колотушку и начал камлать. Якобы камлать. Под диктовку самого Улуу Тойона путник затянул речитативом следующие слова:

– Доом-эрэ-доом! Могущественный владыка южных небес сам Улуу Тойон спустился на землю, чтобы взять к себе девицу-красавицу Суосалджыйа Толбонноох. Взять хочет непременно в невесты к своему сыну... Не взявши, не улетит! Разве дадут ему, взамен девушки, трех лошадей любимой им масти... Я вижу, что таковые имеются у хозяев...

Хозяева в недоумении переглянулись – у них лошадей такой масти не было. Тем временем путник продолжал камлать. Якобы камлать.

– Доом-эрэ-доом! Три года назад у вас потерялся трехтравый жеребчик масти краснопегой с кобылицей такой же масти... Они живы, и их стало пятеро, нынешний жеребенок масти рыжей в яблоках. Они пасутся в семидесяти верстах у северной речки за большим алаасом...

Не успело умолкнуть эхо шаманского бубна, как богач тут же снарядил своих самых проворных слуг в указанное место за лошадьми любимой грозным небожителем масти. Через сутки они действительно пригнали пять лошадей указанной шаманом масти. Трех забили в жертву Улуу Тойону, который якобы еле-еле внял мольбам шамана и согласился оставить девушку у родителей. И тотчас Суосалджыйа Толбонноох встала на ноги. Хозяева донельзя обрадовались выздоровлению любимой дочери и так одарили путника, что тот от этого разбогател...

Участь Суосалджыйа Толбонноох была печальной – замуж она так и не вышла, ибо никто не смел свататься за нее, считая ее невестой сына Улуу Тойона, который рано или поздно спустится с высоких небес за ней. Через несколько лет она сошла с ума и пропала без вести. Потом превратилась в ёр – душу человека, умершего прежде-временной и неестественной смертью и не находящего успокоение, скитающегося по срединной земле, пугая и не давая покоя людям родного алааса...

В срединном мире люди до сих пор говорят, что такой красавицы, как Суосалджыйа Толбонноох, в племени ураанхай саха не урождалось...

P.S. Я в детстве каждое лето проводил на родине отца – в Сунтарском районе. Там, недалеко от села Тойбохой, говорят, и жила красавица Суосалджыйа Толбонноох...

Тайна двух имен (Сказка на вечную тему)

Жили два брата. Они рано остались без родителей и воспитывались у дальних родственников. Братья с детства были очень привязаны друг к другу, и потому, став взрослыми и обзаведясь собственными семьями, поселились на разных концах одного необъятного благодатного алааса с тучными пастбищами.

И вот у них в одно и то же время родились мальчики. Уйбаан, так звали старшего брата, и Киргиэлэй – так звали младшего, были на седьмом небе от счастья – какой мужчина не мечтает о наследнике! Когда мальчикам исполнился ровно месяц, Уйбаан и Киргиэлэй снарядили лошадей и съездили за местным священником, чтобы тот крестил их сыновей. Поп, с красным обрюзгшим лицом и красными же от постоянного пьянства глазами, окрестил детей и, несмотря на то, что у них были одинаковые фамилии, назвал их одинаковыми именами – Николаями. Молодые родители только недоуменно переглянулись, но ничего не сказали – мало ли как принято у служителей Белого бога.

Затем две семьи вместе отметили крещение своих сыновей. И тогда же решили, что сыновей для удобства будут звать разными именами: «А то будем постоянно путаться!» Сказано – сделано. Сын Уйбаана так и остался Ньюкуусом – Николаем по-якутски, а второго мальчика родители прозвали Сюэдэрэм – Федором, в честь отца братьев.

Шли годы. Отцы мальчиков, выросшие в нищете и сиротстве, работали, не покладая рук, чтобы их дети не знали такой же тяжелой доли. Мальчики тем временем росли и, так же, как и их отцы, были очень привязаны друг к другу.

Однажды наследный староста велел отцам мальчиков готовиться к дальней поездке – их наслег в тот год должен был выставить на Аянский тракт двадцать подвод с двумя добрыми лошадьми на каждую. Делать нечего, слово тойона – закон, и Киргиэлэй с Уйбааном, как только выпал первый снег, отправились с большим обозом в неблизкий путь – к Охотскому морю. С тех пор их никто не видел. По рассказам, на самом крутом перевале тракта обоз был застигнут жестоким снежным бураном, продолжавшимся целую неделю. После бурана обоз якутских купцов недосчитался многих подвод. В том числе пропали и отцы мальчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.